

духовную сущность, его социальные и эстетические воззрения» (стр. 60). Богатырь для Рыбникова — представители русского народа, воплощение его общей силы, проявление его воли и могущества. «Богатырь», — писал Рыбников, — это вообще яркая, крупная личность, возведенная в идеал»³.

К сожалению, А. П. Разумова недостаточно полно показала, что Рыбников в своих высказываниях о былинах по существу развивал взгляды Белинского на русский эпос, его происхождение и развитие. Именно это обстоятельство позволило Рыбникову стать выше господствующих теорий мифологов и компаративистов, внести свой вклад в изучение русского былинного творчества как самим материалом, так и новым к нему подходом. Идя по пути революционно-демократической фольклористики, Рыбников выступал против обезличенного подхода к исполнителям, их творческой индивидуальности. Он первый поставил одну из важных проблем в изучении народного творчества — проблему мастерства сказителей. После Рыбникова стало традицией указывать имена сказителей и певцов, отмечать их индивидуальные особенности.

В своих незаконченных работах, письмах и заметках Рыбников оставил ряд высказываний о народных сказках, песнях и обрядах. Собранные и суммированные А. П. Разумовой, эти высказывания представляют большой интерес для советских фольклористов.

В отличие от Рыбникова, занимавшегося в основном одним жанром — былинной, П. С. Ефименко в годы ссылки ставил перед собой задачу всестороннего изучения народной жизни во всей совокупности ее материального и духовного выражения. Он собирал материалы по народному творчеству Архангельской губернии, истории, археологии, статистике, народным юридическим обычаям, этнографии. Вместе с известным этнографом П. П. Чубинским, тоже сосланным в эти годы на север, Ефименко сумел организовать для такого комплексного изучения целый коллектив собирателей, состоявший из местной интеллигенции и политических ссыльных. Неоднократно он составлял программы по этнографии, инструкции по собиранию сведений о народных суевериях и поверьях. Основными работами Ефименко явились «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» (1869) и «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (1877—1878).

Стремление Ефименко к комплексному изучению народного быта и мировоззрения с учетом местных условий целиком отвечало требованиям журнала революционной демократии — «Современника», призыву Добролюбова изучать народ и его поэзию в тесной связи с жизнью, с окружающей обстановкой. В результате такого изучения, как отмечает А. П. Разумова, «этнография становилась социальной этнографией, комментарием к действительности. Из ...мелких подробностей, частных замечаний складывалось одно целое, где на первом плане — современная крестьянская Русь, курная изба, лишения народа, суровая правда о крестьянской жизни» (стр. 111).

Новы и ценны приводимые А. П. Разумовой сведения о политических ссыльных, работавших вместе с Ефименко в Архангельской губернии, — П. П. Чубинском, А. Никольском, А. И. Стронине и других. Архивные материалы позволили исследователям более подробно рассказать о деятельности Ефименко в Перми, его участии в пермском кружке, роли в распространении запрещенных сочинений, причине новой ссылки в Архангельскую губернию и строгого надзора здесь над ним. Эти сведения интересны не только для фольклористики, но и для истории общественной мысли, революционного движения 60-х годов XIX в.

При всей правильности общих установок работа А. П. Разумовой имеет и недостатки. Исследовательница не всегда справляется с обилием нового материала, нередко подменяет его анализ описанием. Суммарно и упрощенно дана во «Введении» характеристика особенностей революционно-демократической фольклористики.

Автором приложена к книге большая и почти исчерпывающая тему библиография. Она касается не только работ П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко в периодической печати и научной литературы о них, но, что особенно ценно, и документальных материалов в архивах СССР. Не учтены в библиографии статьи П. Н. Рыбникова под общим названием «Из Олонекской губернии. Заметки с дороги И. С. Аксакову», напечатанные в газете «День» (1862 г., №№ 47, 50, 52).

Исследование А. П. Разумовой, опыт изучения ею роли политических ссыльных кружков 50—60-х годов XIX в. в истории русской фольклористики заслуживает всяческой поддержки как полезное и нужное начинание.

Л. В. Домановский

Семен Бытовой. *На счастливой реке*. Советский писатель. Л., 1954.

Художественная литература о народах Дальнего Востока пополнилась интересными очерками С. Бытового. В книгу его вошли два произведения: «Быль о жень-шене» и «Учитель остается с народом». «Быль о жень-шене» — едва ли не первая после В. К. Арсеньева попытка познакомить широкого читателя с чудодейственным «корнем жизни» — мало интересна в этнографическом отношении. Приводимые автором обстоя-

³ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, т. 3, 1910, стр. 322.

тельные сведения о древнем китайском промысле жень-шеня, о быте его искателей — «корневщиков» и связанных с промыслом приметах, обычаях, обрядах и поверьях хорошо освещены в специальной литературе. Интерес новизны представляет только относящееся к нашим дням подробное описание промысла русских «корневщиков», промысляющих большими бригадами в Уссурийской тайге и превосходно усвоивших сложное и тонкое мастерство добычи жень-шеня. Внимание этнографов должно привлечь второе произведение «Учитель остается с народом», впервые и притом в широком плане повествующее о социалистическом переустройстве жизни маленького ороцкого народа.

Орочи в прошлом были самым изолированным из всех народов Амура¹. Обитая в недоступных тогда дебрях северного побережья Татарского пролива и восточных склонов Сихотэ-Алиня, в стороне от обжитой магистрали Амура, они не испытали благотворного культурного влияния со стороны русских старожилов и остались на низком уровне развития. Тем разительнее те перемены в их культуре, которые наблюдали и запечатлел автор во время своих двух поездок к орочам. Сообщаемые в очерках Бытового основные факты советского времени совершенно достоверны, а фигурирующие в них орочи — реально существующие люди.

В прошлом рассеянные по многим мелким стойбищам, орочи в результате коллективизации стянулись в один колхозный центр на р. Тумнин (объединение целого народа в одном колхозе известно, кроме орочей, только у сахалинских ороков). Спустя несколько лет колхоз «Ороч» оказался у самой станции Уська-Орочская новой железной дороги. Автор рассказывает, как постепенно изменялась жизнь орочей, как они приобрели к благам социалистической культуры. Не видавшие никогда пашни и домашних животных охотники завели посевы и коров, перешли от мелкого речного к крупному морскому рыболовству с механизированными средствами производства. Исчезли постоянные лишения и нужда, возникла уверенность в завтрашнем дне. Прочно вошли в быт школа и клуб, больница и ясли; появился (едва ли не впервые в колхозе малых народов Севера) «Дом старейших», где нашли приют и посильный труд в прошлом бездомные и одинокие старики. С ростом культуры и материального благосостояния изменился и весь домашний уклад, семейный быт населения.

Новая культура пришла к орочам, конечно, не сразу. Путь к ней лежал через трудности и противоречия, коренившиеся в старом укладе, вредных традициях и превратных представлениях. Писатель показывает, как нелегко было людям отрешиться от старых привычек и взглядов, приспособиться к жизни в настоящем доме, к обработке земли под посевы, разведению коров и т. д. Сироте Тане так и не достались меховые вещи ее умершей родственницы Марьи Намунка. Распоряжавшиеся похоронами старухи изорвали богатый халат и одеяло в куски и положили в гроб, а для покойницы шили новую одежду. На все уговоры русской учительницы орочки отвечали: «Нельзя! Зима скоро — что покойница делать будет? Ей самой теплые вещи нужны!.. Не говори больше! Марья услышит, обижаться будет...» (стр. 157—158). Еще более характерен эпизод с захоронением тигра. Тигр в прошлом считался у орочей, как и у других амурских племен, священным зверем. Убить его можно было только в случае самообороны, а хоронили его обязательно с особыми, описанными автором (стр. 229), обрядами, в свайном амбарчике («ху-ми»), сооружаемом шаманом. Убившие тигра охотники долго спорили, как с ним поступить. Один настаивал на соблюдении древних обрядов, но недоумевал, как обойтись без шамана, — единственный в Уська-Орочской шаман уже оттуда уехал. Другой хотел сдать ценную шкуру тигра заготовительной организации, третий колебался. В конце концов, решили сдать шкуру на заготовительный пункт, а освежеванную тушу самим похоронить в амбарчике.

Многое новое, для нас самое обыденное, проникало к орочам своеобразными путями. Не лишены интереса в этом аспекте такие, например, эпизоды, как устройство сберегательной кассы «на дому» (стр. 188 и сл.), возникновение зачатков театрального искусства в форме коллективной импровизации (стр. 163 и сл.)² или доклад председателя совета, сделанный при помощи пиктографического «конспекта» (стр. 179 и сл.)³.

¹ Речь идет о северных, или собственно орочах, проживавших в прошлом в северо-восточной части Уссурийского края (по рекам Коли, Хади, Тумнин и др.), в верховьях Хунгари, на побережье Татарского пролива и в низовьях Амура. Южные, сильно окитаившиеся орочи (как и южные удэ) носят название «тазы», «кэха», «кэхары». Численность собственно орочей составляла, по данным амурской переписи 1927—1928 гг., 228 человек. По сведениям, приводимым С. Бытовым (стр. 169), в начале 1930-х годов насчитывалось 276 орочей.

² Такие инсценировки-импровизации известны и у других северных народностей: нанайцев, эвенков, эвенов, нивхов, чукчей.

³ Пиктографические «конспекты» докладов и выступлений и такие же отчеты представителей малых народов Севера, а также другие записи были сравнительно широко распространены в конце 20-х — начале 30-х годов, до создания национальной письменности. Образцы такого письма у ненцев, эвенков и коряков опубликованы в ряде изданий: А. В. Базанов и Н. Г. Казанский, Школа на Крайнем Севере, Л., 1939; Языки и письменность народов Севера, ч. III, Языки и письменность палеоазиатских народов, Л., 1937; С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., Тр. Ин-та этнографии, т. XXI, Л., 1954.

Приведенные автором факты жизненно правдивы и далеки от чуждой советской литературе «северной экзотики». Именно в таких своеобразных формах сочетания и столкновения отживающего старого с рождающимся новым формируется новая, социалистическая культура не только у орочей, но и у других народов Севера.

Очень удачны «портреты с натуры» орочей: советских активистов, рядовых колхозников, представителей формирующейся интеллигенции, стариков, устремившихся к новой жизни по «закону Ленина». Благодарность за этот «закон», любовь к впервые обретенной социалистической Родине ярко проявились в грозное военное время. В главе «В годы войны» тепло и любовно рассказывается об участии орочской молодежи в Отечественной войне. Интересны приведенные автором подлинные письма фронтовиков и опубликованное в свое время в армейской печати письмо писателя Эренбурга вонну-герою Кириллу Батуму.

Нужно отметить погрешности, допущенные автором, главным образом в описании старой культуры орочей. Ошибочно утверждение, что они «жили в прошлом недружно — враждовали между собою семьи, рода» (стр. 113). Только путем величайшей сплоченности и взаимопомощи поддерживали свое существование, в условиях постоянной нужды, отдельные орочские семьи, как это не раз свидетельствует близко соприкасавшийся с ними В. К. Арсеньев. Межродовая вражда не была распространенным явлением: сообщаемые самим автором эпизоды опровергают это его утверждение. Неверно и указание на отсутствие у орочей песенного творчества (стр. 113). Песни у них, как и у других народов Амура, конечно, были, причем широко бытовали песни-импровизации, образец которых приведен самим автором (стр. 101—102). Процесс изготовления ульмагды (лодки-долбленки) далеко не так прост, как это представляется автору. Хорошее в общем впечатление от этнографических описаний портят явно баснословные рассказы о различных происшествиях на охоте. Особенно досталось сохатому: в него стреляют дробью или, схватив за рога, валят на землю, а не то подходят к нему и закалывают ножом (стр. 204, 221—225). Таковы же типичные охотничьи побасенки о медведе, соболе, олене, тигре (стр. 248—249, 246—247, 259).

Одними думами и устремлениями со всем советским народом живут сейчас орочи. Вспоминая прошлое как тяжелый сон, они уверенно смотрят в будущее. Маленькому, собравшемуся в одном колхозе народу стало уже тесно на этом месте, он задумал строить новый поселок — социалистический городок.

Большую помощь оказали и оказывают орочскому народу русские люди. Одним из героев повествования является учитель Н. П. Сидоров, реально существующий, неоднократно отмечавшийся в печати и удостоенный высоких наград за его многолетнюю деятельность среди орочей. Можно сказать, что Н. П. Сидоров просветил целый народ, воспитал новых, советских людей: тружеников-колхозников, мужественных защитников Родины, преданную своему народу интеллигенцию. Писатель уделил Н. П. Сидорову много теплых страниц. Образ его наглядно олицетворяет громадную помощь русских людей орочам, неразрывную дружбу, связавшую русский народ с другими, большими и малыми, народами нашей страны. Образ Н. П. Сидорова напоминает о тех безвестных учителях, врачах, советских и партийных рабочих, которые явились в свое время пионерами строительства социализма на Крайнем Севере, заложили основы новой культуры его многонационального населения.

Нужно приветствовать и самый интерес писателя к жизни далеких национальных окраин, и его правдивый художественный отчет о своих путешествиях.

М. А. Сергеев

Ш. Инал-ипа. *Очерки по истории брака и семьи у абхазов*. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Абгиз, 1954.

Ш. Д. Инал-ипа. *К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии*. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, XXV. Сухуми, 1954.

Существенной чертой, характеризующей подъем советской этнографической науки в послевоенный период, является развертывание исследовательской работы на местах, в союзных и автономных республиках. Заметное оживление этнографической работы наблюдается, в частности, и в Абхазии. В послевоенные годы опубликовано несколько интересных работ, подготовленных абхазскими этнографами И. А. Аджинджалом, И. Е. Адзинба, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Х. Акаба. Исследования абхазских этнографов касаются самых различных вопросов: здесь и материальная культура абхазов, и эпос, и религиозные верования, и вопросы, связанные с этнографическим изучением семьи и общества. Авторами их собран значительный полевой материал, поднята большая абхазоведческая литература. Однако наряду с заметными успехами в работе абхазских этнографов имеются слабые, на наш взгляд, места. Представляется бесполезным обращать на них внимание, особенно сейчас, когда кадры квалифицированных абхазоведов еще более увеличились, этнографическая работа в республике усиливается.

В 1954 г. опубликованы две работы Ш. Д. Инал-ипа: книга «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» и большая статья «К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии».